

ПРЕДМЕТ МУЗЕОЛОГИИ

Первым, кто еще в 1950-е гг. обратился к изучению предмета познания музеологии, был Иржи Неуступный. В 1960-е гг. специальная рабочая группа, созданная в ГДР, определила в качестве такового предмета «совокупность музейной работы». Эта немецкая дискуссия отчасти была продолжена на первом семинаре по теории музеологии, проходившем в Брно в 1965 г. Участники симпозиума, однако, не пришли ни к какому единому мнению (да это, собственно, и не входило в задачи симпозиума). Международный комитет по музеологии возродил эту дискуссию. Множество новых концепций высказывалось во время его многочисленных симпозиумов. В 1986 г. комитет решил организовать семинар-мастерскую, дабы прояснить актуальное положение дел по данному вопросу¹. К сожалению, итоговые материалы семинара так никогда и не были опубликованы и не смогли повлиять на развитие представлений о статусе и содержании музеологии как академической дисциплины.

Многообразие взглядов

Кажется, что после 1965 г. множество подходов к определению сущности музеологии не только не выкристаллизовались в несколько хорошо определенных школ, но увеличились еще больше. Поэтому З. Странский, например, вместо термина «предмет познания», использует понятие «тенденции познания» (Stránský 1983). Многие авторы пытались как-то систематизировать это многообразие тенденций, достаточно назвать лишь В. Йенсена (Jensen 1980), Й. Бенеша (Beneš 1981), В. Глузинского (Gluzinski 1983), К. Шрайнера (Schreiner в Schreiner & Weeks 1986), Э. Хоффмана (Hofmann 1983), А. М. Разгона (Razgon в Herbst & Levykin ed. 1988), и З. Странского (Stránský 1966; 1986). В мае 1986 г. ИКОФОМ организовал семинар, целью которого было проанализировать статьи, представленные по теме «Музеология – наука или область практической деятельности?» (в *Museological Working Papers 1 & 2*). Главной проблемой, проявившейся в ходе этой работы, оказался фрагментарный характер многих статей. Никакой анализ, проведенный на основе одних лишь материалов ИКОФОМ, не мог считаться окончательным, т.к. не учитывал всей совокупности работ того или иного автора. Многие из тех, кто принимал участие в обсуждении предложенных комитетом тем, заимствовали материал из своих общих теорий, опубликованных в других местах: иногда в форме книг (Й. Бенеш, А. Грегорова, В. Глузинский, Б. Делош, И. Мароевич, К. Шрайнер), иногда в форме серии статей (А. Девалье, П. ван Менш, А. М. Разгон, В. Руссио, Е. Свецимский, З. Странский, Т. Шола, И. Ян). Дополнительной трудностью стал вопрос языка, на котором были написаны эти работы. Кроме английского и французского, следовало бы учесть голландский, немецкий, польский, португальский, русский, хорватский и чешский.

¹ Семинар проходил 16 – 22 мая 1986 г. в Берлине и Альт-Шверине (ГДР). К участию в нем были приглашены М. Беллаге, В. Глузинский, А. Гроге, А. Девалье, Н. Декаролис, В. Йенсен, Р. Каррильо, П. ван Менш, В. Софка, З. Странский, Д. Шпильбауер, К. Шрайнер, Т. Шола, и С. Цурута. Подготовительные бумаги (аналитические работы и комментарии), а также заключительный отчет (составленный П. ван Меншем) так и не были опубликованы.

Несмотря на эти трудности, большинство проведенных анализов почти единодушны в своих выводах. Исследование, проведенное в 1975 г. В. Йенсенем, выявило два основных направления в дискуссии о предмете (или тенденции) познания музеологии:

- 1) музеология как наука, изучающая институциональные роли и функции музеев различных видов;
- 2) музеология как наука о музеальности, формирующая основу для практики музейной работы.

Й. Бенеш в 1981 г. говорит о четырех подходах:

- 1) сам музей («muzeum»);
- 2) музейный предмет («muzealie»);
- 3) музеальность («muzealita»);
- 4) профильные дисциплины («konkretni disciplina»).

В статье, опубликованной во втором выпуске MuWoP, он добавляет к ним в качестве пятого подхода, концепцию З. Странского об особом отношении человека к предмету. Собственные представления ученого, ключевым для которых оказывается указание на «набор специализированных форм деятельности», могут считаться шестым подходом. Этот список 1981 г. использовали также К. Шрайнер и Х. Векс. В. Глузинский выделяет два основных типа ориентации: Ф-тип (институционально ориентированный, механистический и инструментальный, нормативный) и С-тип (основывающийся на учете особого отношения человека к реальности). Первый тип связан с реальной музеологией, второй – предвосхищает постулируемую музеологию.

Э. Хоффман пишет о трех основных направлениях в музеологии:

- 1) музеология как изучение музейной институции («die Gesamtheit der sich in dieser Institution vollziehenden Arbeitsprozesse»);
- 2) музеология как изучение музейных предметов;
- 3) музеология как изучение особого отношения человека к реальности, определяемого термином «музеальность».

В коротком аналитическом обзоре, посвященном развитию музеологии в социалистических странах Восточной Европы, А. М. Разгон, – ссылаясь, в первую очередь, на дискуссии, проходившие в СССР, ГДР и ЧССР, – все многообразие суждений группирует по трем основным категориям:

- 1) институциональный подход;
- 2) предметный подход;
- 3) комплексная концепция, рассматривающая отношение человека к предмету.

Фактически, эта систематизация повторяет ту, что была предложена Э. Хоффманом. В той же работе, А. М. Разгон описывает и три различных подхода к проблеме предмета познания музеологии:

- 1) определение, предложенное в 1964 г. рабочей группой в ГДР, в котором таковым предметом признавалась вся совокупность музейной работы;
- 2) определение Й. Бенеша, который считал, что этим предметом следует признать «набор специализированных форм деятельности, с помощью которых музеи реализуют свою социальную миссию»;

3) концепцию З. Странского, в которой центральное место занимает отношение человека к предмету.

Не вполне понятно, как эти три подхода соотносятся с тремя категориями представлений, перечисленными выше. Концепция Й. Бенеша, кажется, очень близкой к той, что развивалась рабочей группой из ГДР, и не укладывается в трехчленную схему категорий. Более того, не совсем ясно и что такое «комплексный подход». Можно предположить, что он корреспондирует с идеями З. Странского.

Сам З. Странский в 1966 г. выделял два подхода: 1) музеология как изучение музеев; 2) музеология как изучение собирательской деятельности. В лекции, прочитанной в академии им К. Рейнварта в 1986 г., он выделял уже 4 подхода к «когнитивной интенции» музеологии:

- 1) музеи;
- 2) формы музейной деятельности;
- 3) музейная идея (цели и миссия);
- 4) сохранение (т.е. выявление тех аспектов реальности, которые должны быть сохранены в интересах общества).

Анализ литературы по музеологии, сделанный во время первого семинара-мастерской ИКОФОМ в 1986 г., показал три различных направления:

- 1) подход, связанный с отношением человека к предмету;
- 2) функциональный подход;
- 3) институциональный подход.

Разнообразие подходов к определению предмета музеологии лучше всего можно описать как некий континуум, на одном краю которого находится по-преимуществу прагматический институциональный подход, а на другом – более общий подход, рассматривающий проблему объект-субъектных отношений (человека к предмету). Фактически мы имеем дело с различными уровнями абстрагирования в рамках одной системы взаимосвязанных параметров. Как таковые, эти подходы основываются на произвольно принятых системах координат. Это не позволяет утверждать, что какой-то один из них верен и может опровергнуть все прочие (Gluzinski 1980: 444). Здесь скорее определяется не вся область музеологии, а лишь определенная ее перспектива.

В. Глузинский фактически завершил эту дискуссию, отметив, что предмет научной дисциплины всегда совпадает не с каким-либо конкретным фрагментом реальности, но лишь с его определенным аспектом. Многие науки могут обращаться к данному участку реальности, но предметом познания каждой из них будут различные аспекты этого участка. Таким образом, фрагмент объективной реальности не может полностью определять предмет исследования данной дисциплины.

Все направления в музеологии имеют дело с одним и тем же набором базовых параметров. Иными словами, все они охватывают примерно одно и то же поле. Различия коренятся в границах этого поля. Набор этих базовых параметров включает в себя природное и культурное наследие, деятельность, связанную с его сохранением и осуществляемой на его основе коммуникацией, связанные с этим институциональные рамки, а также общество как таковое (см. главу 11). Несмотря на отмеченное выше замечание В. Глузинского, именно в связи с этими параметрами и можно выделить различные когнитивные ориентации в рамках музеологии. Данная типология – не более чем приблизительный набросок

сок основных направлений, которые можно найти в литературе, посвященной предмету познания музеологии. Это ни в коем случае не перечень «музеологических школ». Некоторые авторы, например, А. Девалье (Desvallées 1987 г.), склонны говорить о «чешской школе», но подобные утверждения основываются на ограниченном знании реального положения дел в Чешской Республике. Существуют серьезные различия между идеями И. Неуступного, Й. Бенеша, Я. Елинека или З. Странского. В Чехии, так же как и в других странах, развитие музеологии зависит не столько от каких-либо организаций, сколько от отдельных личностей.

Предметноориентированный подход

Одно из направлений в музеологии в качестве самого существенного ее параметра признает «наследие». Большинство авторов, принадлежащих к этой группе, ограничивают область своих интересов музейными предметами. Есть несомненная связь между представлениями о музеологии как дисциплине, занятой изучением музейных предметов, и признанием в качестве центральной и самой характерной черты музейной работы интерпретации этих предметов. На симпозиуме 1965 г. в Брно З. Бруна определил предмет музеологического исследования, как круг проблем, связанных с материальными, движимыми предметами, аутентичными фрагментами объективной реальности, которые, потеряв свои оригинальные и теперь уже устаревшие функции, приобрели, приобретают или приобретут новые функции, как свидетельство их развития (Bruna в Stránský ed. 1966). Сходную точку зрения можно найти и в «Проекте тезисов по музеологии» («Entwurf von Thesen zur Museumwissenschaft»), опубликованных в ГДР в 1964 г. Подобно архивоведению и библиотековедению, музеологию в них предлагается относить к числу документационных дисциплин, задачи которых заключаются в том, чтобы выявлять, собирать, хранить и т.д. предметы как первоисточники. Эта работа, однако, была подвергнута серьезной критике. Авторов обвинили в подчинении всех профильных дисциплин вероятному предмету изучения музеологии (Jahn 1980: 48).

Точка зрения З. Бруна, а также авторов «Тезисов», восходит к теоретическим представлениям, развивавшимся в СССР с 1930-х гг. В рамках методологии диалектического материализма специфика музейной работы выводилась из использования предметов в качестве первоисточников познания (Schreiner 1987: 6). И. Ян, по ее собственному признанию, также первоначально склонялась к тому, чтобы считать предметом музеологии музейный предмет. Однако уже скоро она почувствовала необходимость более четко отделить музеологию от профильных дисциплин. Лучшее решение этой проблемы должно было предложить определение, основанное на учете особого рода деятельности, связанной с превращением «источников» («Sachzeuge») в «музейные источники» («museale Sachzeuge») (Jahn в Arbeitsgruppe Museologie 1981: 47-51). В той же публикации «Рабочей группы по музеологии», в которой И. Ян объявила о смене точки зрения, несколько других музеологов (Р. Ланг, Д. Шульц, Х. Векс) продолжали развивать идею о том, что именно (музейный) предмет является предметом познания музеологии. В целом они представляли то направление в музеологии, которое было тесно связано с историческими музеями.

Для того чтобы определить различие между музеологией и профильными дисциплинами несколько авторов пытались уточнить когнитивную ориентацию музеологии, исходя из анализа определенных аспектов (музейных) предметов. Здесь следует выделить две концепции: музеальности (З. Странского) и культурной информации (И. Мароевича). В

научной литературе присутствует определенное недопонимание концепции музеальности, разрабатываемой З. Странским. Оно связано с тем, до какой степени следует считать музеальность свойством предмета как документа. Отчасти это объясняется тем, что сам автор дает музеальности несколько не вполне ясных определений, отчасти же связано с тем, что идеи З. Странского со временем изменялись. В своем докладе на симпозиуме в Брно в 1965 г. З. Странский назвал предметом музеологии изучение предметов в качестве первоисточников знания («das Erkennen des primären Dokuments»). В 1974 г. в брошюре, посвященной преподаванию музеологии в университете им. Я. Е. Пуркине, задача музеологии была описана им как «постижение и определение документов, которые во всех отношениях наилучшим образом представляют определенные социальные ценности». Эту документальную ценность З. Странский и назвал музеальностью. Он предлагает следующее объяснение: «Предмет познавательной интенции музеологии – музеальность, рассматриваемая в контексте социальных функций прошлого, настоящего и будущего». В статье, посвященной формированию коллекций, З. Странский связывает музеальность с аутентичностью: «Под аутентичностью и, следовательно, музеальностью документа мы будем понимать его конкретные и осязаемые свойства, его информационную ценность (как источника оригинальной информации), вне зависимости от его природы или характера (Stránský 1974: 33). В 1980 г. З. Странский все еще говорит о музеальности как «специфическом аспекте реальности», но его определение музеологии изменяется: «Миссия музеологии – научно интерпретировать это отношение человека к реальности (т.е. то особое отношение, которое выражается в склонности отбирать и хранить аутентичные выразители ценностей) и помочь пониманию музеальности в ее историческом и социальном контексте» (Stránský 1980). С изменением взглядов на когнитивную интенцию (предмет) музеологии, изменилось и понимание З. Странским самой музеальности. Оно эволюционировало от ценностной категории к особой ценностной ориентации (см. ниже).

К. Шрайнер подверг резкой критике концепцию музеальности (и в старом и в новом ее вариантах). Для него документационная ценность не есть свойство предмета как такового, она атрибутируется предмету только в контексте конкретной специализированной дисциплины. В своей критике он подчеркивал, что не может существовать такого понятия как ценность вообще, ценность *per se*. Музеальность для него – продукт буржуазного мышления. Он писал: «Буржуазно-империалистическая аксиология, теория ценностей, напротив, пропагандирует так называемую вневременную, бесклассовую, всеобщую, даже вечную ценность как таковую, чтобы абсолютизировать и скрыть свои буржуазные классовые интересы» (Schreiner 1987: 7). В условиях господства марксистско-ленинской идеологии это было убийственной критикой. Хотя и не названный по имени, З. Странский, фактически, обвинялся в пропаганде буржуазной идеологии². В любом случае, даже, если принять концепт музеальности, он, по мнению К. Шрайнера, будет всего лишь одной из нескольких частей теории музеологии. Это напоминает критику, высказывавшуюся Й. Бенешем, который утверждал, что музеальность лишь один из критериев, на основании которых можно отличить музейный предмет от других артефактов, и лишь на основании

² Эта, равно как и другие попытки дискредитировать З. Странского ни к чему не привели. С одной стороны, он пользовался международным авторитетом, с другой, его поддерживали некоторые из ключевых участников дискуссий о музеологии в ГДР. Фактически, его именем пользовались для оправдания альтернативы догматизму К. Шрайнера и проч. Важную роль в этом деле играл журнал «Новое музейное дело» («Neue Museumskunde»).

его одного нельзя сконструировать предмет научной дисциплины (Beneš 1981: 12). Кроме того, данный подход кажется связанным скорее с индивидуальным переживанием, чем с обществом в целом. Тем не менее, в более поздних публикациях Й. Бенеш, кажется, склоняется к принятию идей З. Странского (Beneš 1989). Э. Хоффман также считает эту идею ценной, хотя и не вполне ясной (Hofmann 1983). Он сомневается в том, «можно ли эмпирически проверить эту теорию».

Старая концепция музеальности З. Странского нашла отражение в трудах И. Мароевича. Со ссылкой на З. Странского, И. Мароевич считает музеальность специфическим предметом исследования музеологии. Он пишет: «Музеология имеет дело с систематическим изучением процессов излучения информации, которая хранится в материальной структуре музеалии». Ученый различает два типа информации: научную и культурную (см. главу 7). Научная информация, в основном, связана с научными фактами, культурная – с ценностью (ценностями), атрибутируемой предмету в социальном контексте. По мнению И. Мароевича, профильные дисциплины занимаются научной информацией, а музеологию интересует культурная информация.

Параллельно сдвигу от «предмета» к «ценности» произошел также и сдвиг от «музейного предмета» к «наследию».

Рис. 5. Збынек Странский
(фото П. ван Менса, 1991 г.)

Для определения более широкой концепции музеологии, связанной с нашим отношением ко всей совокупности элементов наследия и не ставящей более в центр рассмотрения музей, Т. Шола в 1982 г. предложил новый термин, наследиеведение («heritology»). Такой подход соответствовал определению наследия, данному ЮНЕСКО и включавшему широкий спектр различных феноменов. Соответственно, и музеология рассматривалась в качестве дисциплины, связанной с архивной наукой, библиотекведением, сохранением исторических памятников и т.д., или даже включающей их в себя. Столь широкий подход к проблеме характерен для многих новых направлений музеологии, имеющих функциональную ориентацию. З. Странский критиковал эту концепцию. Главным его возражением было то, что наследиеведение связано с концептом культурного наследия, имеющим ярко выраженные пассивные коннотации. З. Странский подчеркивал аспект активной (музейной) документации, как проявления «особого отношения человека к реальности» (Stránský 1984, неопубликованный комментарий).

Переход в развитии музеологии от эмпирически-описательной стадии к стадии теории и синтеза был связан с признанием ценности предмета/коллекции как носителя культурной документации. В этом смысле, естественно, что предпринимались попытки увязать когнитивную интенцию музеологии с концепцией музейного предмета. Э. Хоффман критиковал эту точку зрения, указывая, что при таком подходе неясными остаются не только отношения между музеологией и профильными дисциплинами, но и само понятие музейного предмета (Hofmann 1983: 93). Кроме того, К. Шрайнер показал, что документационная ценность всегда оказывается связанной как минимум с одной из профильных

дисциплин (Schreiner в Arbeitsgruppe Museologie 1981: 64). Не существует никакой общей документационной ценности как таковой, которая бы оправдывала взгляд на (музейный) предмет как предмет познания музеологии. Различие между научной и культурной информацией, введенное И. Мароевичем, было встречено критикой со стороны К. Шрайнера, И. Ян и Й. Бенеша, которые отмечали, что по такому признаку невозможно провести границу между музеологией и профильными дисциплинами.

Функциональноориентированный подход

В 1978 г. А. М. Разгон определил музеологию как «научную дисциплину, изучающую законы происхождения и развития музеев». При этом, однако, он добавлял: одна из важнейших частей предмета музеологии – изучение специфических черт предметов – оригинальных источников информации (Razgon 1978). Позже ученый еще раз заявил о своей приверженности этим взглядам, заметив: «Предмет познания музеологии составляют аутентичные предметы (...), используемые для приобретения и передачи знания» (см. неопубликованный доклад, представленный А. М. Разгоном на конференцию ИКОФОМ 1982 г. в Париже). Его определение музеологии как научной дисциплины изменилось соответствующим образом: «Музеология – это социальная наука, которая изучает музейные предметы». Наконец, в написанной им для учебника, посвященного историческим музеям, главе по теоретической музеологии, ученый определяет музеологию как социальную науку, изучающую процессы и законы сохранения социальной информации, а также передачи знаний и эмоций с помощью музейных предметов (Razgon в Herbst & Levykin eds.1988). Музеология также изучает музей как исторически развивающийся социальный феномен, социальные функции музея и реализацию музейной работы в различных социально-экономических системах. Следовательно, предмет познания науки охватывает целый комплекс особых законов, управляющих процессами хранения и коммуникации в музейном контексте, а также определяющих его происхождение и функционирование.

В своих музеологических построениях А. М. Разгон, кажется, пытался определиться по отношению к вопросу об иерархии трех центральных параметров: институции, определенного набора форм деятельности, для нее характерных, и предметов, которые она собирает. Центр тяжести его теории музеологии, т.е. собственно предмет ее познания, постепенно смещался от институции (1978 г.), к предметам (1982 г.), а затем и к формам деятельности (1988 г.). Таким образом, он пришел к той же самой мысли, что и восточно-германские музеологи (И. Ян, К. Шрайнер, Ф. Шимпф). К. Шрайнер определял предмет познания музеологии как «совокупность свойств, законов структуры и законов развития, определяющую процесс коллекционирования, хранения, декодирования, изучения, экспонирования и коммуникации движимых предметов, являющихся аутентичными источниками и могущими, как таковые, представлять свидетельства развития природы и общества, а так же служить целям приобретения и распространения знаний и эмоционального опыта» (Schreiner 1985: 33). Это определение напоминает то, что было дано в 1981 г. Рабочей группой по музеологии: «Марксистско-ленинская музеология – это наука о специфических процессах музейной работы (т.е. человеческой деятельности), которая, с помощью превращения предметов природы и общества в музейные предметы (музеалии), выясняет их связи друг с другом и с обществом». Ф. Шимпф говорит еще короче: «Музеология – это изучение музейной работы» (Schimpff 1982: 15).

Применительно к музею как институту И. Ян утверждает: «Такая институционализация специфической музейной деятельности как «музей» – это часть музеологии, но не ее основной предмет» (Jahn в Arbeitsgruppe Museologie 1981: 47). Примерно по тому же пути следует и В. Йенсен, который, однако, добавляет, что т.к. музей – это единственный институт, который реализует все формы деятельности, связанные с отбором, хранением, изучением и распространением нашего наследия, музеологию можно назвать и наукой о музеях и их общественной роли и функциях (Jensen 1980). Примерно тех же взглядов придерживается и В. Софка (Sofka 1980).

Подобное же «колебание» в выборе между институтом и его функциями можно найти в работах Й. Бенеша. Первоначально он определял музеологию как науку о музеях (в Arbeitsgruppe Museologie 1981: 13). Однако уже в 1981 г. он писал о предмете музеологии как «совокупности специализированной деятельности, с помощью которой музейное дело реализует свою социальную миссию» (Beneš 1981), в 1986 г. уже и это определение было переформулировано им следующим образом: «теория деятельности и способов, посредством которых общество, при помощи специальных институций, отбирает, хранит и использует аутентичные предметы, иллюстрирующие развитие природы и человеческого общества» (Beneš 1986: 45). В последнее время, кажется, что Й. Бенеш принял взгляды З. Странского на музеологию (см. ниже).

В. Бедкар определял музеологию сходным образом, заявляя, что «музеология – это профессиональная концептуализация и профессиональная кодификация рекомендованных, утвержденных процедур, необходимых для достижения целей музейной работы» (Bedekar 1987). Используя понятие «музейная работа» вместо понятия «музейная деятельность», В. Бедкар, кажется, попытался объединить представления И. Ян и А. Грегоровой (см. ниже). Он отверг разделение между музеологией и музеями как «философскую спекуляцию и жонглирование словами».

Подход, связанный с функциями, представлен также в работе П. ван Менша, П. Поу и Ф. Шотена 1983 г. Здесь музеология определяется как «весь комплекс теории и практики, связанных с сохранением и использованием культурного и природного наследия». Сходным образом Б. Делош утверждает, что «обычная музеология обеспечивает сохранение и экспонирование коллекций (...), она определяет совокупность стратегий, специфически ориентированных на предмет». В противоположность восточноевропейскому подходу, в этих двух случаях рассматриваемые функции, кажется, не помещаются исключительно в контекст музейной институции. Другими словами, музеология может существовать и вне музеев. В этом смысле, идеи П. ван Менша, П. Поу и Ф. Шотена, а также Б. Делоша отличаются и от взглядов А. М. Разгона и В. Бедкара. Защищая новый подход к музеологии, Т. Шола следовал тем же путем. Музеология должна концентрировать свое внимание на процессах: собирать информацию о предметах, изучать их, оценивать достоверность и качество предлагаемых ими свидетельств, а также использовать для обогащения коммуникации. Она должна предоставлять нам «удобную стратегию для всей совокупности вопросов, связанных с сохранением, защитой и коммуникацией наследия» (Sola 1992: 18).

Недавно этот новый, более широкий подход был определен как изучение наследия, или, в более практическом смысле, управление наследием, его менеджмент. Кроме того, все более и более часто встречается термин «управление культурными ресурсами» (или «менеджмент культурных ресурсов»). Эти термины, равно как и стоящие за ними представления, происходят извне музейного (музеологического) пространства. Показательно,

что они не используются в материалах ИКОФОМ, что указывает на определенную нераспорочность комитета относительно новых течений в культуральных исследованиях.

Несколько иных точек зрения было высказано в 1983 г. на симпозиуме ИКОФОМ, посвященном методологии музеологии. Два автора посчитали, что предметом познания музеологии является лишь одна из форм деятельности музея: коллекционирование (Hodge 1983) или коммуникация (Myles 1983). К. Майлс связывал эту деятельность исключительно с музеями, в то время как Д. Ходж рассматривал склонность человека собирать природные и рукотворные предметы, в качестве феномена, встречающегося и вне музейной институции. Для него музеи не являются единственной манифестацией музеологии, сюда же могут относиться библиотеки, архивы, зоологические и ботанические сады и даже антикварные магазины. В первом выпуске *MuWoP* Д. Суоджер также отстаивал представления о музеологии, как дисциплине основывающейся полностью на коллекционировании, для него именно коллекционирование было уникальным качеством музея. Однако в отличие от Д. Ходжа Д. Суоджер считал, что музеология ограничивается одними лишь музеями. Схожий подход можно найти и в работах чешского музеолога Веры Шубертовой. Она, в качестве предмета музеологии, рассматривает музейный феномен, т.е. ту форму институционализации, которую приобретает склонность к коллекционированию (Schubertova 1979 и 1982).

Функциональноориентированный подход в музеологии обычно рассматривается в качестве альтернативы подходу, ориентированному на музей как институт. В качестве предпосылки принимается утверждение о том, что «функции» сами по себе более непосредственно, чем их институциональное воплощение, выражают в различных обществах некоторые базовые тенденции. Этот подход, однако, как правило, все внимание сосредотачивает не столько на теории, сколько на практике. Музеология, таким образом, рассматривается не как наука, а как приведенный в систему набор практической информации. Функциональный подход, связанный с музеем (в той его форме, которую защищает, например, К. Шрайнер), был подвергнут критике В. Глузинским (Gluzinski в Grampp et al. 1988). Его критика основывалась на сомнительном характере единства, существующего между рассматриваемыми в рамках данного подхода формами музейной работы. Каждая форма музейной работы сама по себе уже представляет комплексный процесс, каждая идет своим курсом, у каждой свои результаты. В этом отношении, подход, предложенный в 1983 г. П. ван Меншем, П. Поу и Ф. Шотеном не может быть сколько-нибудь удовлетворительным. «Исследование» в смысле исследования в рамках профильной дисциплины не может считаться частью музеологии. Трудности возникают из-за того, что именно музейная институция все еще рассматривается в качестве основной системы координат. Нет никаких четких различий между функциями музея как института и музеологическими функциями.

Функциональноориентированный подход в музеологии балансирует между двумя уровнями абстракции. С одной стороны, есть группа авторов, считающих, что музеология занимается изучением определенного набора форм деятельности в контексте музейной институции, с другой стороны, есть авторы, рассматривающие эти формы деятельности на более высоком уровне абстракции, как выражения специфического отношения человека к реальности. Многие считают отцом такого направления З. Странского. Эта точка зрения активно развивалась в конце 1970-х гг. Сам З. Странский в 1974 г. писал, что цель музеологии заключается «не в том, чтобы понять эту реальность (т.е. конкретную и вос-

принимаемую нами реальность), но в том, чтобы понять законы объективной документации этой реальности» (Stránský 1974: 34). В 1980 г. он определил предмет музеологии как «особое отношение человека к реальности, выражением которого является тот факт, что он отбирает некоторые оригинальные предметы этой реальности, помещает их в новую реальность, для того чтобы сохранить, несмотря на естественный характер изменений, через которые проходят все предметы и который заканчивается, в итоге, их распадом, и использует эти отобранные предметы новым образом, отвечающим его собственным требованиям» (Stránský 1980). Этот подход стал известен широкой публике во многом после публикации в первом номере MuWoP статьи Анны Грегоровой (Gregorova 1980). Эта работа оказалась одной из самых цитируемых статей, опубликованных ИКОФОМ. Ее определение музеологии звучит следующим образом: музеология – «это наука, изучающая особое отношение человека к реальности, заключающееся в намеренном и систематическом коллекционировании и сохранении отобранных неодушевленных, материальных, движимых и, как правило, трехмерных объектов, документирующих развитие природы и общества, а также их использовании с научными и культурно-образовательными целями». Хотя З. Странский и сам говорит об «определенном отношении человека к реальности, объективированном в музее» (Stránský 1983: 127), он критиковал подход А. Грегоровой, как слишком ограниченный институциональными рамками музея (Stránský 1981: 21).

К числу ученых, чьи идеи были тесно связаны с представлениями З. Странского (или даже основывались на них), можно также отнести В. Глузинского (напр., Gluzinski 1983), Р. Каррильо (Carrillo 1988) и В. Руссио (напр., Russio 1981 и 1983). В своих работах З. Странский очень часто ссылается на В. Глузинского и В. Руссио как на музеологов, придерживающихся схожих с ним взглядов. В то время как З. Странский считает центром музеологического исследования музеальность, В. Глузинский говорит о «М-факторе» (см. ниже), а В. Руссио пишет о «музейном факте» ('fait museal'). Для нее музейный факт – это «глубокая связь между человеком, познающим субъектом и объектом, т.е. той частью реальности, к которой человек принадлежит и над которой властен совершать определенные действия» (Russio 1981: 56). В другом месте она характеризует «эту часть реальности», как «реальность, расположенную в институциональном пространстве музея», тем самым, фактически, ограничивая диапазон музеологии (Russio 1989). С другой стороны, Соитиро Цурута, хотя и называет музеологию наукой о музеях, говорит о ее возможностях как самостоятельной дисциплины, связанной с отношениями между предметом и человеком (Tsuruta 1980). В этом сказывается влияние идей З. Странского. Еще один музеолог, на чьи взгляды повлияли дискуссии, ведшиеся на встречах ИКОФОМ, Джудит Шпильбауер, она пишет: «Если музеология – это изучение и понимание не просто музейной институции, а активных, интегративных процессов сохранения, перед ней открываются новые возможности. При таком понимании музеологии, «активное» означает постоянный динамичный взаимообмен между индивидуумом/аудиторией/общиной и свидетельством/информацией/пониманием, доступный в особом музеологическом окружении» (Spielbauer 1988: 249). В другой работе она характеризует музеологию как «организационную теорию, накопленные знания, методы и методологические рамки, необходимые для превращения процесса сохранения в активного интегративного участника человеческого опыта» (Spielbauer 1986: 279).

Близкой идеям З. Странского, хотя и не испытавшей его прямого воздействия, является теория, предложенная Марией де Лурдес Хорта, предметом музеологии считающей

процесс культурной меморизации: «Музеология – это наука, изучающая коллекции и собрания ценностей, процессов, идей и верований, ритуалов и способов поведения, материальных и нематериальных продуктов, созданных обществами и хранимых как память о них» (Horta 1987). Здесь нашли выражение взгляды Эдвины Таборски на сходные с музеями институции, сохраняющие и производящие социальные образы, а также вырабатывающие знание о них (Taborsky 1982).

Д. Баркоу считает, что расширение понимания музеологии от институциональноориентированного к более широкому подходу, рассматривающему отношения «человек-реальность», является фатальной тенденцией. Комментируя в 1983 г. статью П. ван Менша, П. Поу и Ф. Шотена, он писал: «Я думаю, наши голландские друзья зашли слишком далеко (...) Я не вижу никакой пользы в том, чтобы говорить, что музеи и музейное дело охватывают все на свете» (Burgaw 1983: 19). Похожие критические суждения высказывает и К. Шрайнер: «Нам нужна специальная теория музеологии, которая могла бы помогать практике музейного дела. В первую очередь, мы музеологи, а не всевокругнаследиеведы!» (Schreiner 1984, неопубликованный комментарий). По его мнению, необходимо уважать уже существующие ветви науки, такие как библиотековедение и архивоведение, и четко отделять от них музеологию. Двойственное отношение к данной проблеме можно найти в работах А. Девалье. С одной стороны, он хотел бы отделить музеологию от архивоведения и проч., но, с другой, признает, что провести четкое различие между разными категориями предметов довольно сложно (Desvallées 1987). В итоге, он приходит к тому же выводу, что и Д. Баркоу, предлагающий не переносить на этот более широкий контекст термин музеология, а использовать для него какое-нибудь другое определение, например, изучение материальной культуры. Такое новое определение было предложено Т. Шолой, писавшим о наследиеведении (heritology) и мнемософии (mnemosophy).

Музейноориентированный подход

Этот подход, имеющий долгую традицию, является самым популярным среди музейных работников. Многие из тех, кто принимал участие в музеологических дискуссиях, ссылались на определение музеологии, предложенное на международном семинаре региональных музеев, проводившемся ЮНЕСКО в 1958 г. в Рио-де-Жанейро. Согласно этому определению, музеология – не что иное, как область знания, связанная с изучением целей и организации музеев. В 1972 г. ИКОМ предложил более детальное определение музеологии, в котором она рассматривалась уже как наука, изучающая историю музеев, их роль в жизни общества, специфические системы музейных исследований, консервации, образования и организации, связи с физическим окружением, а так же классификацию различных типов музеев. В целом, это определение соответствовало и содержанию большинства образовательных программ по музейному делу. Неслучайно, что эти программы чаще всего и назывались программами по музейному делу, а не по музеологии.

В 1970-е гг. представления о музеологии, как науке, изучающей музеи, занимали господствующее положение в ГДР и Чехословакии. В ГДР конец подобному положению дел возвестили диссертации И. Ян (1978 г., опубликована в 1979 – 1980 гг.) и К. Шрайнера (опубликована в 1982 г.), в Чехословакии взгляды З. Странского (Брно) постепенно одержали верх над музейноцентричными представлениями И. Неуступного и Й. Бенеша (Прага).

Большая часть подобных представлений сводится к ограниченной эмпирике, опирающейся на понимание музея как функционального конгломерата определенных форм деятельности, имеющих своей целью сохранение и использование предметов (Gluzinski 1983: 33). В качестве альтернативы В. Глузинский предлагает сконцентрироваться на «музейной сути» (М-факторе), который, в первую очередь, связан со «значением всего того, что в системе культуры и представляет музей». М-фактор связан с атрибуцией и передачей (символических) ценностей, воплощаемых предметами, т.е. с символическим и коммуникативным поведением. Символическое поведение определяет понимание предметов как символов определенных классов значения, коммуникативное поведение выстраивает с их помощью определенные послания, которые, в свою очередь, сами становятся символами определенной реальности. «Таким образом, с одной стороны, область (музеологического) познания оказывается в области чувств, а, с другой, в области специфического коммуникативного поведения, т.к. (...) именно в них и проявляет себя музеологический феномен» (Gluzinski 1983). Музей и рассматривается, как система такого особого культурного поведения. В этом смысле, так называемая, постулируемая музеология В. Глузинского оказывается близка той версии функциональноориентированного подхода, которую предлагает З. Странский.

Институциональноориентированный подход может считаться подходом интуитивным, характерным для первой стадии (стадий) развития музеологии (Stránský 1980: 44). Некоторые авторы убедительно показали, что сам музей не может считаться предметом познания, т.к. он является всего лишь организационной системой координат, или, – пользуясь термином И. Ян, – «вторичным продуктом» (Jahn в Arbeitsgruppe Museologie 1981: 49). Музеология основывается на концепте музея, принимаемом априорно, в то время как на самом деле такой концепт должен стать *результатом* музеологического исследования. В этом контексте часто используются аналогии с другими науками: говорится о том, что педагогика – это не наука о школах, а медицина – не наука о больницах. Как пишет Т. Шола: не существует никаких школо-логии или церкво-логии, не может, поэтому, быть и музео-логии (Sola 1989). Для оптимизации своих действий, однако, всякий музей должен использовать общие теоретические принципы, также как и каждый учебный институт должен обращаться к общим принципам педагогики.

Эта критика напоминает взгляды, высказывавшиеся И. Неуступным еще в 1960-е гг. Для него музей не может быть предметом изучения, т.к. сам по себе представляет всего лишь исторически обусловленный инструмент для интеграции нескольких научных дисциплин. Действительно, институционально ориентированный подход отрицает историчность музейного феномена и его координатной системы. Тем не менее, Д. Баркоу не согласен с этой критикой. Будучи прагматиком, он полагает, что всякая теория должна иметь «практическое применение на благо человека» (Bursaw 1983). И такое практическое применение легко можно обнаружить на уровне музейной институции, как пишет В. Бедкар: «Музеология и музеи – это два имени, данных для удобства, чтобы подчеркнуть два аспекта одного и того же человеческого начинания» (Bedekar 1987). Он осуждает таких музеологов, как З. Странский, за их «упорные попытки развести музеи и музеологию, которые представляют собой трагикомедию современной музеологии».

Прагматические взгляды Д. Баркоу и В. Бедкара встречают, однако, серьезную критику со стороны Эрнста Хоффмана, который доказывает, что институциональноориентированный подход избегает решения реальных проблем, среди которых, например, про-

блема взаимоотношений музеологии с профильными дисциплинами (Hofmann 1983). Как уже было показано в работах И. Неуступного, И. Ян и многих других ученых, на уровне рассмотрения институциональной составляющей музея эту проблему решить невозможно.

Определение музеологии как науки о музейном институте связано с определением самого этого института. Д. Баркоу, считая музеологию наукой, изучающей музей как институт, отмечает, что этот термин «относится к современному музею в той его форме, которую определяют наши профессиональные организации» (Vercaw 1983: 16). Музеология как таковая не слишком «хорошо подходит к работе современных частных, коммерческих и непрофессиональных музеев, нельзя ее в полной мере применить и к музейной работе, типичной для прошлого. Более того, нельзя быть уверенным и в применимости ее к музейной работе будущего». По тем же самым причинам Т. Шола отвергает представления о музеологии, как науке о музеях, ведь «сегодняшняя идея музея слишком ограничена для того, чтобы вместить все формы деятельности, все еще содержащиеся в пространстве такого отношения к окружающей среде и обществу, поэтому и музеология как наука оказывается еще более ограниченной, ведь она лишь повторяет те же самые ограничения своего базового института» (Шола в неопубликованном докладе, представленном на конференции ИКОМ в 1982 г.). Линн Тизер разделяет этот критический подход. Если определять музеологию, исходя из существующего музейного института, пишет она, «тогда необходимо создать еще одну науку или науки, связанные с родственными музеям институтами» (Teather 1983).

Информация о главе

Автор: Петер ван Менш – Ph.D., профессор, директор международной магистерской программы по музеологии Академии Рейнварта (1998 – 2001, 2005 – 2010 гг.), президент Международного комитета по музеологии Международного совета музеев (1989 – 1993 гг.), Амстердам, Нидерланды, peter@menschmuseology.com

Заглавие: Предмет музеологии.

Абстракт: Первым, кто еще в 1950-е гг. обратился к изучению предмета познания музеологии, был Иржи Неуступный. В 1960-е гг. специальная рабочая группа, созданная в ГДР, определила в качестве такового предмета «совокупность музейной работы». Эта немецкая дискуссия отчасти была продолжена на первом семинаре по теории музеологии, проходившем в Брно в 1965 г. Участники симпозиума, однако, не пришли ни к какому единому мнению (да это, собственно, и не входило в задачи симпозиума). Международный комитет по музеологии возродил эту дискуссию. Множество новых концепций высказывалось во время его многочисленных симпозиумов. В данной главе рассматривается многообразие подходов к пониманию содержания музеологии и предмета ее познания. **Ключевые слова:** музеология, предмет познания, музейноориентированный подход, предметноориентированный подход, функциональноориентированный подход.

Information on chapter

Author: Peter van Mensch – Ph.D., Professor, Director of the International Master Degree Programme in Museology at the Reinwardt Academy (1998 – 2001, 2005 – 2010), President of the ICOM International Committee for Museology (1989 – 1993), Amsterdam, Netherlands, peter@menschmuseology.com

Title: Object of knowledge.

Abstract: The first to discuss the concept of the object of knowledge in museology was Neustupný (in the 1950s). The discussion was subsequently taken up in the early 1960s in the German Democratic Republic where a working group finally defined the 'Gesamtheit der Museumsarbeit' (the totality of museum work) as object of knowledge. The German discussion was partly continued during the first symposium to be held on the theory of museology (at Brno, 1965). The participants of the symposium, however, did not come to any conclusion (which was obviously not the aim of the meeting anyway). The International Committee for Museology re-opened the discussion. Its many symposiums brought about numerous new concepts. This chapter is devoted to the diversity of views as to the content of museology and its object of knowledge.

Key words: museology, function oriented approach, museum oriented approach, object of knowledge, object oriented approach.

Использованная литература

- Arbeitsgruppe Museologie (1981) *Museologie* (Berlin).
- Bedekar, V.H. (1987) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and museums*. ICOFOM Study Series 12 (Stockholm) 51-58.
- Beneš, J. (1981) 'K ujasnemi predmetu muzeologie', *Muzeologicke sesity* (8): 131-140.
- Beneš, J. (1986) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and identity*. ICOFOM Study Series 10 (Stockholm) 45-53.
- Beneš, J. (1989) 'Survey of ICOFOM activities 1977-1988', *Museological News* (12): 49-52.
- Burcaw, G.E. (1983) 'Basic paper'+ 'Comments', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 10-23.
- Carrillo, R. (1988) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and developing countries – help or manipulation ?* ICOFOM Study Series 14 (Stockholm) 115-124.
- Desvallées, A. (1987) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and museums*. ICOFOM Study Series 12 (Stockholm) 97-104.
- Gluzinski, W. (1980) *U podstaw muzeologii* (Warszawa).
- Gluzinski, W. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 24-35.
- Grampp, H.D. et al. (1988) *Museologie und Museum*. Beiträge und Mitteilungen 15 (Museum für Deutsche Geschichte, Berlin).
- Gregorova, A. (1980) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working Papers* (1): 19-21.
- Herbst, W. & K.G. Levykin eds. (1988) *Museologie*. Theoretische Grundlagen und Methodik der Arbeit in Geschichtsmuseen (Berlin).
- Hodge, J. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 58-65.
- Hofmann, E. (1983) 'Sphären museologischer Interessen', *Muzeologicke sesity* (9): 91-97.
- Horta, M. (1987) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and museums*. ICOFOM Study Series 13 (Stockholm) 151-160.
- Jahn, I. (1980) 'Die Museologie als Lehr- und Forschungsdisziplin ...', *Neue Museumskunde* 23 (2): 76-84.
- Jensen, V.T. (1980) 'Museological points of view - Europe 1975', *Museological Working Papers* (1): 6-10.
- Mensch, P. van, P. Pouw & F. Schouten (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 81-94.
- Myles, K. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 97.
- Razgon, A.W. (1978) 'Research work in museums: its possibilities and limits', in: J. Jelinek ed., *Possibilities and limits in scientific research typical for the museum* (Brno) 20-45.
- Russio, W. (1981) 'Interdisciplinarity in museology', *Museological Working Papers* (2): 56-57.
- Russio, W. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training*. ICOFOM Study Series 1 (Stockholm) 114-125.
- Russio, W. (1989) 'Museu, museologia, museólogos e formacao', *Revista de Museologia* 1 (1): 7-11.
- Schimpff, V. (1982) 'Zum Platz der marxistisch-leninistischen Museologie im hierarchischen System der Wissenschaften', *Beiträge und Informationen* (Beilage der Informationen für die Museen in der DDR) (3): 14-17.
- Schreiner, K. (1985) *Fundamentals of museology* (Waren).
- Schreiner, K. (1987) 'Forschungsgegenstand der Museologie als Wissenschaft', *Neue Museumskunde* 230 (1): 4-8.
- Schreiner, K. & H. Wecks (1986) *Studien zur Museologie*. Schriftenreihe des Instituts für Museumswesen 27 (Berlin).
- Schubertova, V. (1979) 'K aktualnim otazkam teorie muzejni selkce', *Muzeologicke sesity* (7): 30-45.
- Schubertova, V. (1982) 'Aktuelle Probleme der Theorie der musealen Selektion', *Schriftenreihe des Instituts für Museumswesen* (17): 121-146.
- Sofka, V. (1980) 'Museology is the study of the museum and its activities', *Museological Working Papers* (1): 12-13.

- Sola, T. (1987) 'The concept and nature of museology', *Museum* (153): 45-49.
- Sola, T. (1992) 'What is museology?', *Papers in museology* 1 (Umea) 10-19.
- Spielbauer, J. (1983) 'Summary and analysis of the papers prepared for the symposium on methodology of museology and the training of personnel', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training. ICOFOM Study Series 1* (Stockholm) 133-145.
- Spielbauer, J. (1986) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and identity. ICOFOM Study Series 10* (Stockholm) 273-282.
- Spielbauer, J. (1988) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Museology and developing countries - help or manipulation? ICOFOM Study Series 14* (Stockholm) 249-260.
- Stránský, Z. (1966) *Zur Auffassung der Museologie. Diskussionsmaterial* (Brno).
- Stránský, Z. ed. (1966) *Sbornik materialu prvehu muzeologickeho sympozia, Brno 1965* (Brno).
- Stránský, Z. (1974) 'Metologické otázky dokumentace současnosti', *Muzeologické sesity* (5): 13-43.
- Stránský, Z. (1980) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working Papers* (1): 42-44.
- Stránský, Z. (1981) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working Papers* (2): 19-21.
- Stránský, Z. (1983) 'Basic paper', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training. ICOFOM Study Series 1* (Stockholm) 126-132.
- Stránský, Z. (1986) 'Museality as a key-concept in museology', *Vlugschrift-bijlage* (Reinwardt Academie, Leiden).
- Swauger, J.L. (1980) 'Museology - science or just practical museum work?', *Museological Working Papers* (1): 45-476.
- Taborsky, E. (1982) 'The sociostructural role of the museum', *The international Journal of Museum Management and Curatorship* 1 (4): 339-345.
- Teather, L. (1983) 'Some brief notes on the problems of museological research', in: V. Sofka ed., *Methodology of museology and professional training. ICOFOM Study Series 5* (Stockholm) (1-9).
- Tsuruta, S. (1980) 'Definition of museology', *Museological Working Papers* (1): 47-49.